

(1) Знакомство наше состоялось, когда Оська уже учился в школе. (2) К маме пришла её подруга с сыном.

– (3) Ну, показывай, чем живёшь! – сказал Оська.

(4) Давно уже содержимое ящиков письменного стола потеряло для меня всякий интерес, но, чтобы развлечь гостя, я показал ему какие-то инструменты, коллекцию пересохших, почти рассыпающихся бабочек

в коробке под стеклом, толстый, в красном тиснёном переплёте альбом с марками, финский нож и пистолет.

(5) В альбоме с марками его привлекли портреты царей, шахов, султанов, магараджей, президентов и прочих правителей кануна мировой войны, когда этот альбом был выпущен, – коллекцией моей он пренебрёг. (6) Раздражение моё против гостя росло.

– (7) Альбом – вещь, а марки – дерьмо, – подвёл итоги Оська. – (8) Что у тебя ещё есть?

(9) Обветшалые сокровища оставили его равнодушным: кроме альбома, он не нашёл у меня ничего заслуживающего внимания. (10) Чем он живёт, что может его заинтересовать?

– (11) Что ты читаешь, бледнолицый? – замогильным голосом произнёс Оська.

(12) Я мотнул головой на полку с книгами. (13) Он подошёл, взгляд его удивлённых, раскосых глаз забегал по корешкам. (14) Меня злила эта беглость, означавшая, что все книги ему знакомы. (15) При этом он что-то бормотал, то вдруг повышая голос почти до крика, то опадая в шёпот. (16) Затем отчётливо и спокойно сказал, глядя мне в лицо:

– (17) Стихов у тебя нет. (18) Ну, а «Смока Беллью» ты хоть читал?

– (19) Не помню. (20) Может, читал. (21) Чьё это?

– (22) Джека Лондона. (23) Если б читал, помнил бы. (24) Целая серия романов. (25) Все лучшие люди зачитываются. (26) А ты ...

(27) Он явно нарывался. (28) Но до каких пор должен я терпеть его разнузданность? (29) Оська явно демонстрировал своё пренебрежение ко мне: он слонялся по комнате, трогал вещи и небрежно отбрасывал, выкрикивал раздражающе непонятные стихи, свистел, пел. (30) Но задело меня другое: он вроде в дураки меня зачислил. (31) Самолюбие мешало признаться в этом, но злоба закипела, противно и сладко.

– (32) А чем ты увлекаешься? – превозмогая себя, спросил я.

(33) Вместо ответа он сунул мне под нос ладонь, а когда я машинально наклонился, то вдруг хлопнул меня по носу и губам и радостно захохотал. (34) Ни слова не говоря, я выпрямился и ударил его кулаком в лицо. (35) Ударил сильно, он отлетел назад, наткнулся на продавленное кресло и повалился в его истёртую кожаную глубь. (36) Он потрогал ушиб и увидел на пальцах кровь. (37) Лицо его скривилось. (38) Я ждал, что он, конечно, расплачется, и хотел этого, но он не заплакал. (39) Он посмотрел на меня – странно, без тени страха или злости, даже обиды не было в его раскосых, тёмно-карих глазах, лишь удивление и словно бы вина.

– (40) Слушай, – сказал он добрым голосом. – (41) Ну, чего ты?.. (42) Я вовсе не хотел тебя обидеть. (43) Правда!

(44) Я молчал. (45) Я видел его подпухший нос, тонкое лицо, шелковистые брови, непрочное, нежное, будто фарфоровое, лицо, и горло забило картофелиной.

– (46) Брось!.. (47) Забудем!.. – (48) Он выметнулся из кресла, подошёл ко мне и протянул руку.

(49) И это открытое движение доброты, нежности и доверия перевернуло во мне душу... (50) Я никогда больше пальцем не тронул Оську, как бы он ни задирался, а это случалось порой в первые годы нашей так сложно начавшейся дружбы. (51) Позже я бдительно следил, чтобы его кто-нибудь не обидел. (52) А такая опасность постоянно существовала, потому что, при всей своей доброте, открытости и любви к людям, Оська был насмешлив, размашист, крайне неосмотрителен. (53) Однажды Оську избил парень по кличке Жупан. (54) Я публично вздул Жупана, чтобы другим было неповадно. (55) Сам Оська подошёл, когда экзекуция уже закончилась. (56) Он отвёл меня в сторону.

– (57)Я прошу тебя... я очень прошу тебя никогда за меня не заступаться. (58)Ладно? (59)Просто мне наплевать, а для таких, как Жупан, – целая трагедия. (60)Не выношу, когда унижают людей...

(По Ю. Нагибину)